

©2024 О.В. ПОПОВА

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕХНОНАУЧНЫЙ ФЕНОМЕН

Попова Ольга Владимировна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики. Институт философии РАН.
Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
ORCID: 0000-0002-3825-7544
J-9101980@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена феномену суррогатного материнства. Дается этический анализ глобального запрета суррогатного материнства, рассматриваются международные тенденции и российская специфика развития данной практики. Анализируется глобальный тренд ужесточения регулирования практики суррогатного материнства, нашедший отражение в принятии Декларации Касабланки (2023), которая содержит призыв к глобальному запрету подобной практики. Показано, что в России также наблюдается ужесточение контроля в сфере суррогатного материнства. Вместе с тем финансовая заинтересованность в продвижении практики суррогатного материнства вызывает попытки управления ее восприятием путем фреймирования — репрезентации практики суррогатного материнства в упрощенном, минималистическом ключе, адаптирующем ее к существующему социально-аксиологическому контексту и формирующем ее положительный образ. Фреймирование направлено на истолкование суррогатного материнства как гуманистической практики, основанной на идее дара, вытесняющей любые другие негативные интерпретации, что связаны с коммодификацией и инструментализацией женского тела.

В статье также обозначаются перспективы либерализации практики суррогатного материнства в связи с возможностью легитимации новых медицинских технологий в биомедицине, таких как донорство тела умершей женщины (с диагностированной смертью мозга) и появление искусственной матки. Демонстрируется, что практика суррогатного материнства отражает реальность рождения новой формы интимности, которую можно условно назвать лабораторной, или биотехнологической, интимностью. В данном контексте важным актором конституирования частной жизни все чаще выступают технологии. В этой связи делается вывод о конвергенции морально неоднозначных практик в контексте развития современной технотехники, предполагающей объективацию человеческого тела и усиление контроля в сфере репродуктивных отношений. Исследуется проблема гибридной модели семьи в контексте суррогатного материнства. Отмечается, что практика суррогатного материнства оказывает значительное влияние на формирование биотехнологического образа детства и медиализацию социальных институтов.

Ключевые слова: суррогатное материнство, биотехнологический образ детства, семья, запрет на суррогатное материнство, коммерциализация человеческого тела, репродуктивные технологии, лабораторная интимность, Декларация Касабланки, искусственная матка, семейные ценности.

Ссылка для цитирования: Попова О.В. Суррогатное материнство как антропологический и технотехнический феномен // Человек. 2024. Т. 35, № 6. С. 48–69. DOI: 10.31857/S0236200724060048

О.В. Попова

Суррогатное материнство как антропологический и технотехнический феномен

Под суррогатным материнством, как правило, подразумевается практика, которая позволяет женщине (суррогатной матери) дать согласие и заключить договор на вынашивание и рождение ребенка от имени (вместо) генетических родителей (генетического родителя). Подобная практика может существенно отличаться в различных юрисдикциях, в том числе быть под запретом в некоторых странах.

Основной причиной обращения к суррогатному материнству являются медицинские показания, такие как невозможность выносить ребенка из-за отсутствия матки, гормональных нарушений или высокого риска осложнений. Также причиной оказываются профессиональные обстоятельства, когда женщина выбирает суррогатное материнство, чтобы не прерывать карьеру. В феминистских дискурсах последнее связано с отделением репродуктивной функции от социальной самореализации. Кроме того, суррогатное материнство используется однополыми парами, что вызывает споры в странах с традиционными ценностями (например, в Российской Федерации). При этом в позитивном дискурсе суррогатное материнство представляется как социальный лифт,

Суррогатное материнство и общественное мнение: отечественная ситуация и мировые тенденции

Картина показателей, полученная ВЦИОМ, выглядит гораздо многограннее и сложнее, если учитывать проведенный в июле 2023 года мониторинг ВЦИОМ, направленный на прояснение отношения российского населения к религии [Религия, 2023]. В соответствии с данными проведенного мониторинга 57% россиян относят себя к последователям православия, 5% — к приверженцам ислама. Однако если рассматривать официальную позицию по отношению к суррогатному материнству, сформировавшуюся в контексте традиционных религий, то отношение к нему более чем сдержанное. Так, в социальной концепции Русской православной церкви указывается на недопустимость суррогатного материнства. При этом речь идет как о коммерческом суррогатном материнстве, так и об альтруистическом, совершаемом на некоммерческой основе, которое, как отмечается в концепции, оказывает негативное психологическое влияние на личность ребенка, разрушая эмоциональную и духовную близость матери и младенца, травмируя обоих, вызывая кризис самосознания у ребенка [Основы, 2000: гл. XII, п. 4].

С точки зрения ислама, особенно его суннитской ветви, суррогатное материнство считается неприемлемым. Однако, согласно опросу ВЦИОМ 2024 года [Суррогатное материнство, 2024], большинство (84%) россиян (более половины из которых считают себя приверженцами

православия и ислама, как следует из опроса 2023 года) поддерживают практику суррогатного материнства, не вникая в официальную позицию своей конфессии. Это обстоятельство может свидетельствовать о либерализации отношения к новым биомедицинским технологиям, процессе религиозной адаптации к инновациям и различии между индивидуальным восприятием новых технологий и официальной позицией.

Несмотря на расхождение религиозной и светской позиций в контексте суррогатного материнства, они могут сближаться. Религиозные убеждения поддерживают идею защиты жизни и семейных ценностей, однако не лишены сомнений в этичности суррогатного материнства. В традиционных религиях женщина рассматривается как священный инструмент для принесения новой жизни, что является благословением и ответственностью.

Отраженный в феминистских дискурсах светский взгляд на суррогатное материнство, дистанцируясь от постулата о сакральности женской телесности, может использовать коммерческий аргумент, релевантный и для религиозного дискурса: практика суррогатного материнства приводит к коммерциализации женского тела, превращая женщину в объект продажи и аренды. Проблема суррогатного материнства актуализирует дискурсивное поле, связанное с философской рефлексией о природе человеческих отношений в капиталистическом обществе и монетизации всех сфер жизни как его характерном признаке.

Религиозная и светская аргументация апеллируют к тому, что суррогатное материнство создает опасность для здоровья и жизни суррогатной матери, подвергая ее медицинским процедурам и операциям с риском осложнений и ослабления физического и эмоционального состояния. Различие между религиозной позицией и позицией светской феминистской заключается в подходе к человеческой телесности: в первом случае как к сосуду для сакрального содержания, во втором — как к основанию идентичности, источнику автономии и реализации человеческого достоинства — ценностям, которые стали инструментами пропаганды суррогатного материнства, переводя фокус внимания с финансовой составляющей данной практики на ее гуманистическое содержание и конструируя тем самым общественное доверие, необходимое для ее успешной легитимации.

Наблюдающееся в России ужесточение контроля в сфере суррогатного материнства¹ свидетельствует об отходе от избыточно ли-

О.В. Попова

Суррогатное материнство как антропологический и технонаучный феномен

¹ Согласно принятому Федеральному закону № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19.12.2022, суррогатное материнство в Российской Федерации возможно только для состоящих в браке россиян или одиноких женщин, являющихся гражданами России, которые не могут по медицинским показаниям (бесплодия — в отношении пар, невозможности выносить или родить ребенка самостоятельно — в отношении одиноких женщин) иметь детей.

берального отношения, характерного для постсоветского пространства, которое за рубежом длительное время воспринималось как поле свободной реализации суррогатного туризма. Вместе с тем отход от либерального отношения к суррогатному материнству можно рассматривать как общую международную тенденцию, усилившуюся в 2023–2024 годах. Так, 3 марта 2023 года в Касабланке (Марокко) была принята Международная декларация о всеобщей отмене суррогатного материнства [Declaration, 2023], текст которой содержал призыв к глобальному запрету суррогатного материнства во всех формах и модальностях — как платных, так и неоплачиваемых. Декларация рассматривает суррогатное материнство как контракт, посредством которого заказчики договариваются с женщинами о вынашивании и рождении детей, осознавая страдания бесплодных людей и проблему защиты человеческого достоинства. Главной «формулой» Декларации является положение о том, что контракт о суррогатном материнстве «нарушает человеческое достоинство и способствует превращению женщин и детей в товар» [ibid.].

Смена вектора в отношении практики суррогатного материнства и обеспечивающих ее развитие технологий характеризует ситуацию, типичную для научно-технического развития, когда речь идет о социальной адаптации технологии, сопровождающейся моральной рефлексией и аксиологической проверкой на соответствие культурным нормам общества. Решение проблемы бесплодия с помощью суррогатного материнства стало возможным после появления технологий искусственного и экстракорпорального оплодотворения. Параллельно с развитием этих технологий формировалось мировоззрение, позволяющее успешно адаптировать их в социальной сфере. Необходимо было прибегнуть к особому диалогу с обществом и приемам социального проектирования для положительного восприятия упомянутых технологий.

Наряду с технологическим развитием осуществляется конструирование нормативного поля, регулирующего технологические прорывы и настраивающего общественное сознание. При использовании репродуктивных технологий также учитываются культурные, религиозные и моральные особенности каждого общества. Для сближения новых биотехнологических практик с репродуктивными практиками прошлого этот процесс может сопровождаться отсылками к традиционным практикам и ценностям. К примеру, в качестве оправдания суррогатного материнства в различных дискурсах могут выступать исторические свидетельства о рождении детей от наемных матерей в Древнем Риме или древнееврейские практики использования рабынь в семьях с бесплодными женами.

Схожесть древних и современных практик проявляется в инструментализации организма суррогатной матери: в древности — как

пространства бесправной женщины, в современности — как биологического инкубатора для эмбриона. Использование исторических аргументов для оправдания репродуктивных инноваций становится характерной чертой дискурса, сопровождающего появление новых технологий. Тем самым демонстрируется историческая корреляция различных подходов, направленных на разрешение репродуктивных проблем женщин, и ускоряется выработка толерантности к морально неоднозначным феноменам техногенной цивилизации.

Заинтересованность в продвижении практики суррогатного материнства вызывает попытки управления ее восприятием путем фреймирования — репрезентации суррогатного материнства в упрощенном, минималистическом ключе, адаптирующем эту практику к существующему социально-аксиологическому контексту и формирующем ее положительный образ. Данное обстоятельство стимулирует истолкование суррогатного материнства как гуманистической практики, основанной на идее дара, вытесняя негативные интерпретации, которые связаны с коммодификацией женского тела. В положительно окрашенных дискурсах акцент при этом делается на эмоциях биологических родителей, усиливаемых комбинацией текстового и визуального фрейминга. Их запечатленные на фотографиях счастливые лица оставляют в тени эмоции самой суррогатной матери или ребенка, который в будущем может испытать шок от информации о факте своего рождения².

Акцентирование самостоятельности женщины в решении вопроса об использовании своего тела и помощи бесплодным парам может восприниматься как положительное фреймирование, игнорирующее темные стороны явления или трансформирующее их в направлении положительного восприятия. Сам процесс фреймирования строится таким образом, что в дискурсивном пространстве суррогатная мать зачастую перестает восприниматься как носитель агентности. Образ и роль суррогатной матери как бы определены естественным порядком вещей — она выступает исключительно как носитель своей биологической репродуктивной функции, она вписана в биологический фрейм. Одновременно заказчики-родители выступают как носители проактивной позиции — они наделены агентностью, демонстрируя социальное фреймирование, в рамках которого совершаются действия, осуществляется выбор, принимаются решения.

В то же время данные фреймы могут оказаться неустойчивыми, нарушая принятые стандарты отношения к суррогатной матери и

О.В. Попова

Суррогатное материнство как антропологический и технонаучный феномен

² Подобный пример, связанный с кампанией против суррогатного материнства, которую инициировала Оливия Морель, будет рассмотрен ниже.

биологическим родителям ребенка. Показательным стал случай, который произошел с одной известной китайской актрисой. На определенном жизненном этапе (после разрыва отношений с мужем) она намеревалась отказаться забирать детей от суррогатной матери, рожденных в США (суррогатное материнство в Китае запрещено). Ее обсуждение этой проблемы с близкими попало благодаря бывшему супругу в сеть, вызвав острую реакцию читателей. Обращало на себя внимание отсутствие озабоченности со стороны актрисы судьбой детей и суррогатной матери. Последние фактически воспринимались актрисой как лишенные агентности объекты — не столько как лица, сколько как вещи, от которых та хочет, но не может избавиться. Через какое-то время последовал ответ от китайского новостного канала «CCTV News» с осуждением поведения актрисы: «...суррогатное материнство категорически запрещено в нашей стране, и такое пренебрежение к жизни отвратительно... суррогатные матери, вынашивающие девочек, рискуют тем, что их принудят прервать беременность. Они также рискуют, если с плодом что-то не так... закон не может терпеть такие вещи, и мораль не может этого терпеть!» [Чжэн Шуан, 2021a]. За свои слова, выложенные в сеть, актриса поплатилась не только моральным ostracismом, но и потерей ряда контрактов на съемки. Ей был также сделан выговор этическим комитетом Китайской ассоциации артистов телевидения (СТАА), которая подчеркнула, что артисты должны придерживаться «профессиональной этики, пропагандируя семейные ценности и продвигая добро» [Чжэн Шуан, 2021б].

Приведенный пример вскрывает ценностный конфликт между индивидуальным восприятием суррогатного материнства, общественной моралью и правом, которое может наложить запрет на данную практику. Разрешение данного конфликта многим видится в возможностях репродуктивного туризма, когда граждане стран, где суррогатное материнство нелегитимно, ищут возможности воспользоваться услугами суррогатного материнства в странах, где эта практика разрешена.

Ценностный конфликт, присущий практике суррогатного материнства, связан также с пониманием тела как частной вещи и представлением о теле как общем благе. Будущее суррогатного материнства открывает новые горизонты инструментализации человеческой телесности. Так, с недавнего времени (2022) стал обсуждаться феномен гестационного (репродуктивного) донорства. Речь идет об использовании идеи и практики органного донорства в целях суррогатного материнства, когда тело женщины со смертью мозга будет использоваться для вынашивания ребенка (случаи вынашивания беременности пациентками, у которых

констатирована смерть мозга, описаны в медицине). А. Смайдор — один из сторонников данного подхода — предлагает ввести понятие гестационного донорства всего тела с целью обсуждения и дальнейшей легитимации данной практики [Smajdor, 2023]. Подобный вид донорства предполагает инструментальное отношение к трупам пациента, смещая фокус с рассмотрения пациента как объекта медицинского внимания и заботы на его восприятие в качестве телесного ресурса. Отстаивая практику суррогатного материнства после гестационного донорства, Смайор утверждает, что такое материнство менее травматично и болезненно, чем суррогатное от живой женщины, и предоставляет возможность неограниченного медицинского вмешательства для максимизации шанса на здоровое рождение. Тело умершей женщины в этом случае уподобляется технологически сконструированному артефакту, лишенному этического измерения и сформированному в качестве репродуктивной машины, которая соответствует ожиданиям тех, кто осуществляет его (тела) эксплуатацию.

Сопряжение вызывающих моральные проблемы практик, таких как гестационное донорство всего тела в целях суррогатного материнства, затрагивает вопрос, связанный с инструментализацией живого тела. В защиту практики гестационного донорства действует утверждение о том, что инструментализация живого тела неэтична, поэтому предпочтительнее осуществлять инструментализацию мертвого тела. В противовес этому развивается обычная, характерная для уже развитой практики суррогатного материнства интенция, связанная с утверждением моральной легитимности инструментализации живого тела в случае наличия информированного согласия автономной дееспособной личности. При этом возникает вопрос: что делает такую практику, как суррогатное материнство, легитимной?

Легитимация практики обусловлена несколькими факторами — технологическими, эпистемологическими, социально-этическими и экономическими. Легитимация новых медицинских технологий включает научную оценку их безопасности и эффективности, экономическую оценку их стоимости и вклада в здравоохранение, а также этическую экспертизу. После легитимации технологии продолжают оцениваться и обновляться на основе новых данных и в новых этико-аксиологических и социально-правовых контекстах.

Приведенные выше казусы демонстрируют процесс социокультурного согласования новых репродуктивных технологий, когда речь идет о требовании соблюдения ценностной безопасности. Что касается казуса донорства тела в целях суррогатного материнства, то он также показателен для анализа процесса

О.В. Попова

Суррогатное материнство как антропологический и технонаучный феномен

десакрализации человеческого тела, поскольку иллюстрирует процесс последовательной фетишизации биотехнологий применительно к решению проблем распоряжения человеческим телом, с характерными для данного процесса фрагментацией и отторжением телесного, с присущей ему тенденцией укрупнения соматического дара: от пересадки фрагментов тканей — к пересадке органов, от пересадки органов — к экспериментальной пересадке головы и в итоге к постановке вопроса о возможности донорства всего тела. В последнем случае возникают варианты реализации этой практики — посредством жертвования целого тела науке либо передачи всего донорского тела с поставленным диагнозом смерти мозга в целях суррогатного материнства.

Указанные тенденции отчасти можно «схватить» концептуальной рамкой, которая задана принципом иммунизации, предложенным Р. Эспозито. Данный принцип (как в биологии, так и в социальной сфере) направлен на сохранение и защиту жизни, в своих радикальных проявлениях становясь «единственным источником политической легитимности» во многих сегментах социальной жизни — от сферы биотехнологии до экологии [Esposito, 2012]. При этом превышение иммунизации в социальной сфере влечет за собой приношение в жертву живущих, вызывая (фактически как в биологии) аутоиммунные сбои.

Действие принципа иммунизации характерно в отношении трансплантологии, где абсолютизация защиты жизни может «поглощать» живущих, превращая сам факт оказания медицинской помощи в процесс инструментализации живых людей (пример донорства мертвого тела в целях суррогатного материнства здесь показателен). В этой связи уместным представляется также введение понятия репродуктивной иммунизации, защищающей право на рождение ребенка любым путем. Абсолютизация этого права (как в случае с суррогатным материнством) ведет к этическим апориям и инструментализации женщин и детей.

С течением времени примеры технологического вмешательства в репродукцию будут расширяться. Внедрение искусственной матки — устройства, имитирующего условия естественной матки для развития плода вне материнского организма, — все приближается. Эта перспективно развивающаяся технология предназначена для спасения недоношенных детей, но также может использоваться для удовлетворения желания заказчика иметь детей в контролируемых условиях.

Искусственная матка, подобно использованию тела женщины в суррогатном материнстве, представляет собой каркас, позволяющий контролировать и защищать жизнь. Эта тенденция к усилению искусственного в репродуктивных отношениях иллюстрирует

парадоксальное сближение некрополитики и репродуктивной политики, которые на современном этапе развития науки и технологий дополняют друг друга и реализуют запрос на управляемый процесс контроля жизни.

Применение новых, пока нелегитимных технологий продолжает тенденцию к созданию управляемого искусственно-биологического пространства в репродуктивных целях, аналогично уже существующей практике суррогатного материнства. Это развивает стратегии иммунизации (в значении, указанном Эспозито), где гиперзащита жизни превращается в контроль, сопряженный с рисками разрушения социальных связей. Заказчики часто строят определенные ожидания относительно будущего ребенка, включая биологические черты, связанные с его потенциальным социальным успехом. И они требуют гарантии исполнения своих желаний.

Новая модель семьи, роль матери и проблема суррогатного материнства

Практика суррогатного материнства существенно осложнила понимание содержания и функций института семьи, демонстрируя новые возможности биотехнологий и обнажая масштабы социального неравенства, затрагивающего статус женщины. Новые репродуктивные технологии вызвали значительные изменения в структуре семьи. Классическая роль матери оказалась разделена между биологическими родителями и суррогатной матерью, что создало сложности в определении родительских ролей и ответственности. Традиционно семья воспринималась как изолированная частная сфера, закрытая от чрезмерного вмешательства государства несмотря на историческое влияние социально-экономических и политических факторов. Технологический прогресс сформировал новую парадигму семейной жизни, открыв перспективу технологического вмешательства в частную жизнь. Личное (частная жизнь) стало рассматриваться не только как политическое явление, но и в качестве биотехнологического продукта.

Имплантация эмбриона, обычно полученного путем искусственного оплодотворения, трансфер эмбриона, заключающийся в процедуре внедрения эмбриона в матку суррогатной матери, последующее медицинское сопровождение суррогатного материнства — все эти классические составляющие данного процесса выступают одновременно характерными факторами процесса медиализации института брака, медиализации, осуществляемой с непосредственным привлечением третьих лиц — ученых,

О.В. Попова

Суррогатное материнство как антропологический и технонаучный феномен

медицинских работников и самих суррогатных матерей, — чьи тела объективируются научно-технологическим знанием и интенциями вовлеченных биологических родителей будущего ребенка.

Традиционные отношения института семьи трансформируются в отношения контрактные. Содержание брачного договора расширяется, охватывая не только имущественные вопросы, но и репродуктивный выбор, который определяет медиализированный статус брака. Брачный договор теперь может отражать различные аспекты репродуктивной сферы, в том числе использование суррогатного материнства как репродуктивного труда. Сторонники контрактного брака утверждают, что подобная трансформация улучшит социально-экономическое положение женщины, предоставляя ей новый источник дохода и власти. Однако этому противостоит консервативная позиция, направленная на защиту традиционной семьи от технологического вмешательства, способного изменить ее идентичность.

Практика суррогатного материнства отражает реальность рождения новой формы интимности, которую мы условно назовем лабораторной, или биотехнологической, интимностью. С ней связаны трансформация репродуктивного процесса и развитие интимно- или сексуально-технологической революции [Est, 2014], в контексте которой важным актором конституирования частной жизни выступают технологии. При этом технологическое преобразование репродуктивной сферы сопровождается существенной трансформацией правового поля, формируется новый словарь понятий, связанный с защитой прав ребенка, а также суррогатной матери. Такой правовой стандарт, как защита наилучших интересов ребенка, с развитием биомедицинских технологий уже включает учет и стремление к обеспечению не только естественных (обеспечиваемых физическим и ментальным здоровьем суррогатной матери), но и наилучших технологических условий, в которых рождается ребенок и которые соотносятся с пожеланиями и экономическими условиями родителей и технологическими возможностями медицины.

Эмбрион с момента имплантации в матку суррогатной женщины становится особым объектом для технологического контроля, предметом предельной озабоченности целого ряда вовлеченных лиц (не только биологических родителей, но и юристов, сотрудников компаний, занимающихся услугами в сфере суррогатного материнства, медицинских работников и пр.). В этом процессе коллективной работы на благо общей цели биологические родители зачастую руководствуются неким идеалом желанного ребенка с соответствующими ему параметрами физической привлекательности, показателями здоровья и другими характеристиками.

Идет ли речь о пренатальной и постнатальной диагностике, позволяющей с помощью генетических технологий вовремя диагностировать редкие заболевания и разработать план реабилитации ребенка после рождения, или о пересадке суррогатной матери эмбриона, полученного от биологических родителей, мы в обоих случаях сталкиваемся с реальностью формирования нового типа социальных отношений, которые опосредованы возможностями современных технологий. Этот тип отношений одновременно формируется как глубоко контрактный, где зачастую сложно провести грань между продажей женских репродуктивных услуг и продажей детей как товаров.

Вместе с тем попытка приравнять суррогатное материнство к одной из разновидностей репродуктивных услуг (таких, к примеру, как продажа спермы или яйцеклеток) не выглядит убедительной, поскольку не учитывает особую идентичность самой суррогатной матери, от которой отчуждается намного большее, чем часть ее тела. Происходит ее отчуждение и от ребенка, и от собственной идентичности, порождающее зоны особой уязвимости двух разделенных существ, которые в данном процессе наделяются новыми онтологическими ролями: ребенок выступает в роли биотехнологического конструкта, а суррогатная мать рассматривается как управляемая детородная машина.

Показательно в этой связи интервью, проведенное с суррогатной матерью из Ирана³. Последняя подчеркивает особую биологическую («кровную») связь суррогатной матери и ребенка, которая игнорируется при заключении контрактных отношений между суррогатной матерью и биологическими родителями: «Ребенок был со мной одну ночь после родов, и мать ... тоже была с нами... Он плакал, но он перестал плакать, услышав мой голос, как будто он знал мой голос. Кровь связывает вас в любом случае» [Taebi, 2020: 53].

Отступим ненадолго от основной нити рассуждений, чтобы проиллюстрировать специфику эволюции семейных институтов и генезиса новых форм родственных связей в более широком технонаучном контексте. У В.А. Подороги есть замечательное рассуждение о феномене кучи. Он пишет: «Пожалуй, самая очевидная функция кучи — это то, что она собирается (или ее собирают)... Как известно, Чичиков увлекается собиранием “мертвых душ” и число их растет, как растет воображаемое будущее богатство,

О.В. Попова

Суррогатное материнство как антропологический и технонаучный феномен

³ В Иране большинство населения исповедуют ислам шиитского толка. В отличие от суннитского ислама, который не разрешает суррогатное материнство, поскольку оно предполагает введение спермы мужчины в матку женщины, на которой он не женат, шииты, как правило, разрешают суррогатное материнство в качестве метода лечения бесплодия пар, состоящих в законном браке [см.: Aramesh, 2009].

“капитал”» [Подорога, 2006: 55]. Рассуждение философа, отсылающее прежде всего к литературному творчеству Н.В. Гоголя, актуально и в репродуктивном медико-технологическом контексте. Дело в том, что процедура суррогатного материнства, как и в целом практика вспомогательных репродуктивных технологий (ВПР), также ориентирована на «кучу» — биологическую.

Используемое метафорическое название «биологическая куча» может вызывать сенсibilизацию и определенное отторжение и, безусловно, не является абсолютно приемлемым для различных репродуктивных дискурсов. Однако метафора «куча» позволяет зафиксировать важную проблему, связанную с распространёнными практиками обращения с биологическим материалом. Проблему, связанную с особенностями развития современной биомедицины.

В основании технократической биомедицины заложен принцип деления индивида на составные части и измеримые сегменты [Davis-Floyd, 1992]. При этом то, что воспринимается как делимое (человеческое тело, его части, гаметы), может наделяться ценовым эквивалентом. С эпохи промышленной революции (XVIII–XIX века), которая породила господство технократической идеологии, телесность, представленная в своих измеримых сегментах, в своей потенции быть разделенной на части, начинает рассматриваться как машина, состоящая из множества запчастей. «Куча» гамет в этой парадигме — также своеобразные запчасти будущих жизней.

«Куча» донорских яйцеклеток или «куча» сперматозоидов, «куча» эмбрионов, полученных от ЭКО, до акта рождения уподобляются акту собирания «мертвых душ». В последних заложен потенциал жизни, лабораторного оживления и обретения имени, выводящий отдельные биологические сущности этой «кучи» (условно назовем их регистрами и биобанками) в другое онтологическое и уже социальное пространство — сообщество людей. С другой стороны, невостребованность таких «биологических куч» не дает этому потенциалу реализоваться. Они уничтожаются. Неисчислимые «кучи» биологических объектов и потенциальных «живых душ» (эмбрионов и гамет) характеризуют современный этап биотехнологического управления процессами жизни и смерти, где современными чичиковыми, собирателями в «кучу» «мертвых душ» под давлением профессиональных обстоятельств становятся врачи. При этом метафора «куча» оказывается применима не только к яйцеклеткам, сперматозоидам или эмбрионам, но выступает прежде всего как способ истолкования конструктивного характера человеческого существования в эпоху интенсивно развивающихся биотехнологий.

Современные регистры доноров становятся визитной карточкой таких «биологических куч». Их профили включают физические и ментальные характеристики, уровень образования, хобби, симпатии и антипатии. Чем ярче будут выглядеть эти характеристики, чем привлекательнее будут фотографии в профилях доноров на сайтах «репродуктивных» агентств (клиник ЭКО) — тем сильнее вероятность того, что «биологическая куча» станет определенным количеством людей. Или в редких, исключительных случаях окажется человеческой массой, когда от доноров может родиться значительное количество людей (исчисляющихся сотнями) в связи со слабым регулированием количества возможных детей от одного донора (речь прежде всего идет о донорстве спермы).

Метафора «куча» позволяет отнести проблему редукции процесса зачатия к функции медицинских технологий. В процессе медиализованного таинства зарождения новой жизни дети складываются как биологические пазлы, соединяются из деталей стандартизированных «биологических куч» — донорских яйцеклеток и сперматозоидов, которые в перспективе становятся стандартизированными эмбрионами, проверенными на предмет отсутствия неизлечимых генетических заболеваний.

Описанный процесс соотносится с общим процессом конструирования в живых системах — предметом заботы современных генных инженеров и синтетических биологов. Развитие синтетической биологии подразумевает использование биологических компонентов для разработки живых систем. Биологические компоненты должны быть хорошо исследованы и предсказуемы в проявлении своих качеств. В основе синтетической биологии лежит процесс стандартизации. Именно наличие стандартизированных деталей ДНК (десятков, тысяч букв ДНК) позволяет конструировать новые и перепрограммировать старые живые организмы, наделяя их функциями, которые в таком виде или сочетании ранее не встречались в природе. Современная синтетическая биология направлена на редизайн «существующих биологических систем и конструирование новых строительных блоков жизни, инструментов и конкретных систем для конкретных полезных целей» [Nowotny, 2010: 86].

Синтетическая биология как имажинативная социальная конструкция имеет дело с конструированием будущих возможных миров, населенных гибридными формами существования, людьми-«кентаврами», химерами. Ее провокативная роль заключается в онтологическом, этическом и семантическом переделе мира, где будет место новым сущностям, новым формам существования. Новые репродуктивные технологии создают социальные «химеры».

О.В. Попова

Суррогатное материнство как антропологический и технонаучный феномен

Современные репродуктивные технологии и практики, яркая иллюстрация которых — суррогатное материнство, конструируют контролируемый дизайн новой жизни, ориентируясь на предпочтения потенциальных родителей. Эта конструктивистская интенция с характерной для нее идеей воспроизводимости противостоит идее создания уникального единичного продукта.

В философском осмыслении феномен суррогатного материнства предстает как манифестация зарождения гибридных форм социальных связей, отражая процесс медиализации интимной сферы и института брака. Новая парадигма семьи, зиждущаяся на репродуктивной экономике, вплетена в глобальную сеть репродуктивного труда, сопряженную с биобанками — хранилищами человеческого генетического материала («биологических куч» — женских и мужских гамет). Данный феномен служит выразительным примером трансформации традиционных социальных отношений в контексте эволюции семейных структур. Дисперсный характер родства, охватывающий множество участников репродуктивного процесса, позволяет концептуализировать новую форму родственных связей как «рассеянную» [Strathern, 1995].

Проектирование желаемого потомства осуществляется параллельно с формированием новой формы гибридных родительских отношений, складывающейся из фрагментов различных онтологических реальностей, из замеса разных миров — биологии и медицины, сферы технологий и социальных отношений. Такая форма родства является гибридной: в процессе создания семьи здесь участвуют разнообразные акторы, объединенные целью технологически опосредованного формирования человека.

Биотехнологический образ детства и роль ребенка

В предшествующем анализе были детально рассмотрены и критически оценены ключевые аспекты, связанные с фундаментальной трансформацией института семьи и эволюцией социального статуса материнства в контексте развития практики суррогатного материнства. Тем не менее для формирования более полной картины исследуемого феномена представляется необходимым акцентировать внимание на еще одном существенном аспекте, касающемся того, что практика суррогатного материнства оказывает значительное влияние на формирование принципиально нового концептуального образа ребенка в современном социокультурном дискурсе. Этот аспект заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку не только отражает текущие изменения в общественном

сознании, но и предвосхищает дальнейшие социальные и этические трансформации в сфере репродуктивных технологий и семейных отношений.

Представления о феномене детства долгое время варьировались и эволюционировали в соответствии с доминирующими в рамках той или иной эпохи культурными настроениями и ментальностью. И.С. Кон выделяет следующие образы детства: 1) эпоха классицизма: детство воспринимается как отклонение от нормы, то есть от взрослого состояния; 2) эпоха Просвещения: ребенок рассматривается как объект воспитания, детство — как подготовительный этап к взрослой жизни, без признания его самоценности; 3) эпоха романтизма: дети ценны сами по себе, обладая максимумом возможностей, которые утрачиваются с взрослением; 4) реализм XIX века: акцент на детстве в неблагоприятных социальных условиях; 5) в XX веке образы детей становятся более сложными и детализированными [Кон, 1988: 6–11].

В эпоху интенсивного развития биотехнологий следует дополнить классификацию образов детства биотехнологическим образом. Современные стратегии биополитики направлены на ребенка, чье тело объективируется через пренатальную диагностику, иммунизацию, генетические скрининги и другие медицинские вмешательства. Эти манипуляции не ограничиваются заботой о здоровье, они также включают предотвращение рождения детей с патологиями и технологическое переформатирование процесса рождения, где биологическое все больше вытесняется искусственным. Современные технологии все чаще проявляют себя как инструменты власти, навязывая новые возможности.

Формирование представлений о ребенке как о биологическом объекте, требующем ухода, позволило создать особую биополитику детства [Погорелова, 2009: 250]. Детство стало объектом повышенного внимания со стороны педагогов, врачей, юристов, а также полем для политических и экономических оценок. При этом семья сохраняет особое право на обеспечение стандартов нормального детства и выбор стратегии обращения с ребенком, включая использование легитимных биомедицинских технологий. Вмешательство в дела семьи может восприниматься как угроза, тогда как пренатальное проектирование детства, обретающее в случае суррогатного материнства форму пластичного репродуктивного выбора и реализующее идею радикального репродуктивного плюрализма, становится новой нормой и обыденным способом решения проблем бесплодия или невынашивания.

Современные стратегии биополитики обращены на ребенка. Возможности выбора доноров яйцеклеток, сперматозоидов и суррогатных матерей, медико-технологическая объективация

О.В. Попова

Суррогатное материнство как антропологический и технонаучный феномен

■■■■■■■■■■
**НАУЧНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**
■■■■■■■■■■

телесности ребенка конструируют его социокультурную и техногенную данность, отражающую родительские ожидания и утопии. Акт рождения и сам ребенок, ранее воспринимаемые как естественные, делаются все более медиализированными и технологически обусловленными. Этот процесс приводит к трансформации формата семьи, где ребенок, произведенный с помощью суррогатной матери, отчуждается от естественного рождения, что влияет на восприятие родительства и жизни как дара. Контрактный акт рождения, включающий финансовые сделки и обязательства сторон, превращается в обычную практику. В последние годы возникает проблема возвращения к статусу обычного ребенка, утраченному в процессе распространения суррогатного материнства и использования других форм вспомогательных репродуктивных технологий.

Информация о фактах суррогатного материнства обычно поступает в публичное пространство от самих суррогатных матерей или родителей детей. Однако все больше внимания привлекают голоса самих детей, родившихся с помощью этой практики, которые с возрастом начинают делиться своим травмирующим опытом. Один из ярких примеров последних лет — кампания Оливии Морел. Родившаяся в США в 1991 году от суррогатной матери, которая находилась в сложных экономических обстоятельствах, Оливия узнала об обстоятельствах своего появления на свет только во взрослом возрасте. По ее словам, она всю жизнь страдала от психических проблем, вызванных «травмой брошенности» при рождении.

В своей кампании против суррогатного материнства Морел призывает к глобальному запрету данной практики. На встрече с Папой Римским в апреле 2024 года она подчеркнула, что родительское счастье, достигнутое через суррогатное материнство, не делает его этичным. Морел и ее сторонники утверждают, что суррогатное материнство отличается от усыновления, так как изначально предполагает разлучение ребенка с биологической матерью. Основная идея Морел заключается в переходе от идеи права на ребенка к идее прав ребенка, при этом подчеркивается важность голосов самих детей, их уязвимость в мире, измененном биотехнологиями и капиталом. Она не устает повторять: «Сегодня мне бы хотелось дать голос детям суррогатных матерей. Многие из нас чувствуют себя продуктом. К нам приклеился ценник. Нас заказали, заплатили и забрали» [“An Mir kleibt ein Preisschild!”, 2024].

Суррогатное материнство и проблема эксплуатации

Суррогатное материнство выступает практикой, в отношении которой ведутся дискуссии не только об эксплуатации женщины, но и об особой эксплуатации образа ребенка. Этот образ сконструирован родительскими ожиданиями и представлениями о желанном результате рождения (от ребенка могут ожидать схожести с биологической матерью, наличия определенных черт внешности или физических характеристик и т.д.; от ребенка могут отказаться при наличии патологий или в случае рождения близнецов и т.д.).

Среди аргументов, направленных против эксплуатации женщины в рамках практики суррогатного материнства, особое значение приобретает вопрос о трансформации идентичности. Предполагается, что труд по вынашиванию ребенка более тесно связан с идентичностью женщины, чем другие виды труда. Это естественный процесс, который влияет на получение права на ребенка. Договорной характер практики суррогатного материнства вызывает радикальное отчуждение ряда аспектов личности и утрату естественной связи между матерью и плодом, лишая женщину любви к ребенку и одновременно разрушая ее.

Кроме того, суррогатное материнство приводит к абсолютному контролю над женским телом, что также является основанием для подозрений в эксплуатации. Степень контроля может зависеть от условий контракта и влиять на самоидентификацию женщины, усиливая ее уязвимость, которая обусловлена социально-экономическими факторами (суррогатные матери, как правило, относятся к категории социально незащищенных граждан и, как свидетельствует мировая практика, могут подвергаться в том числе дискриминации по национальному признаку).

Неблагоприятные жизненные обстоятельства зачастую сопровождаются отсутствием альтернативных источников трудоустройства, экономическим контекстом места проживания суррогатной матери, поэтому женщина вынуждена соглашаться на предлагаемые условия репродуктивного труда. Известно, что в странах третьего мира оплата услуг суррогатной матери существенно отличается по сравнению, к примеру, с суррогатной матерью — гражданкой США.

Отдельная проблема связана с полнотой информирования суррогатной матери. Информированное согласие на суррогатное материнство может подписываться при недопонимании особенностей и масштаба рисков, связанных с этой практикой. Имеются в виду как риски в отношении физического здоровья, так и

О.В. Попова

Суррогатное материнство как антропологический и технонаучный феномен

потенциальные, но не менее значимые психологические риски, в том числе отдаленные и неочевидные на этапе подписания документа. Например, когда речь идет о желании суррогатной матери оставить своего ребенка или ее психологической травме, связанной с разлучением с ним после рождения, этот риск может не приниматься во внимание при подписании договора о суррогатном материнстве.

Суррогатное материнство зачастую рассматривается как взаимовыгодный, но несправедливый и эксплуататорский обмен [Tong, 1990]. В отношении суррогатного материнства можно говорить о формах эксплуатации как нанесении вреда, которая, с одной стороны, подразумевает транзакции между вовлеченными в практику суррогатного материнства лицами, а с другой — носит структурный характер, поскольку соотносится с реальным функционированием современных экономических и политических институтов, со сложившимися социальными отношениями в рамках капиталистической модели развития общества.

Формат эксплуатации в суррогатном материнстве существенно отличается от традиционных форм. Здесь вред не всегда носит ярко выраженный характер и не обязательно связан с прямым принуждением или насилием со стороны эксплуататоров. В некоторых случаях жертва — суррогатная мать — может получить определенные выгоды от участия в такой сделке, именно поэтому часто говорят о социальных лифтах и преференциях, сопряженных с подобной практикой. Тем не менее полученные выгоды часто не соответствуют принципам справедливого обращения. В экономическом смысле данная практика оказывается встроенной в механизмы капиталистического обмена, где эксплуатация может маскироваться под добровольное, взаимовыгодное сотрудничество, прикрываться гуманистическим контекстом, не устраняя при этом глубоких этических и социально-экономических проблем.

* * *

Суррогатное материнство при всей неоднозначности оценок этой практики, связанной с сопровождающим ее развитие процессом коммодификации репродуктивной сферы и фактическим стимулированием развития особой репродуктивной биоэкономики, остается маркером социальной ценности и востребованности такой социальной практики, как родительство. Несмотря на различные формы и гибридные форматы, которые приобретает современное родительство, оно тем не менее во многих юрисдикциях остается аттрактором, притягивающим не только различные (в том числе деструктивные) линии социального поведения, но и различные

технологические возможности. Последние инструментализируются в качестве как агентов зарождения новой жизни, так и агентов конституирования новых форм социальных отношений.

Суррогатное материнство, таким образом, — это проект, который направлен в будущее и постоянно им испытывается. И еще это социальный эксперимент, который проверяет на прочность уже сложившиеся социальные институты, роли и перспективы самого человека, раскрывая новые грани радикального репродуктивного плюрализма.

Surrogacy As an Anthropological and Technoscientific Phenomenon

Olga V. Popova

DSc in Philosophy, Leading Researcher, Head of the Department of Humanitarian Expertise and Bioethics.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-3825-7544

J-9101980@yandex.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of surrogacy, conducting an ethical analysis of the global ban on this practice, considering international trends, and presenting an analysis of the Russian specifics of its development. The global trend towards stricter regulation of surrogacy is analyzed, as reflected in the adoption of the Casablanca Declaration (2023), which calls for a global ban on the practice. It is demonstrated that Russia is also experiencing a tightening of control in the field of surrogacy. Meanwhile, financial interests in promoting surrogacy are driving attempts to control its perception through framing, representing it in a simplified and minimalistic way, adapting it to the existing socio-axiological context, and creating a positive image. This aims to interpret surrogacy as a humanistic practice based on the idea of a gift, displacing negative interpretations associated with the commodification and instrumentalization of the female body. The article also explores the prospects for liberalizing surrogacy in connection with the potential legitimization of new medical technologies in biomedicine, such as donating the body of a deceased woman (with diagnosed brain death) and the emergence of an artificial womb. It is shown that surrogacy reflects the reality of the birth of a new form of intimacy, which can be termed laboratory or biotechnological intimacy. In this context, technology is increasingly becoming a crucial actor in the constitution of private life. A conclusion is drawn about the convergence of morally ambiguous practices in the context of modern technoscience, which involves the objectification of the human body and increased control in the field of reproductive relations. The problem of a hybrid family model in the context of surrogacy is also examined. It is demonstrated that the practice of surrogate motherhood

О.В. Попова

Суррогатное материнство как антропологический и технонаучный феномен

has a significant impact on the formation of a biotechnological image of childhood and the medicalization of social institutions.

Keywords: surrogacy, biotechnological image of childhood, family, ban on surrogacy, commercialization of the human body, reproductive technologies, laboratory intimacy, Casablanca Declaration, artificial womb, family values.

For citation: Popova O.V. Surrogacy As an Anthropological and Technoscientific Phenomenon // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 6. P. 48–69. DOI: 10.31857/S0236200724060048

Литература/References

Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Наука, 1988.

Кон I.S. *Rebenok i obshchestvo* [Child and Society]. Moscow: Nauka Publ., 1988. P. 6–11.

Основы социальной концепции Русской православной церкви. Приняты юбилейным Архиерейским собором 15 авг. 2000 г. / Официальные документы // Патриархия.ru (patriarchia.ru). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html?ysclid=lk5gxcbbm73140335> (дата обращения 25.06.2024).

Osnovy sotsial'noi kontseptsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Prinyaty yubileinym Arkhiereiskim soborom 15 avg. 2000 g. [Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church. Adopted by the Jubilee Council of Bishops on Aug. 15, 2000]. Ofitsial'nye dokumenty [Official Documents]. Patriarkhiya.ru (patriarchia.ru). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html?ysclid=lk5gxcbbm73140335> (date of access: 25.06.2024).

Погорелова О.В. Биополитика детства: Рецензия на книгу: Социальная политика и мир детства в современной России / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, Е.П. Антоновой. М.: Вариант, 2009.

Pogorelova O. *Biopolitika detstva: Retenziya na knigu: Sotsial'naya politika i mir detstva v sovremennoi Rossii* / pod red. E.R. Yarskoi-Smirnovoi, E.P. Antonovoi [Biopolitics of Childhood: Book Review: Social Policy and the World of Childhood in Modern Russia, ed. by E.R. Yarskaya-Smirnova, E.P. Antonova]. Moscow: Variant Publ., 2009.

Подорога В.А. Мимесис: Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1: Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М.: Культурная революция: Логос: Logos-altera, 2006.

Podoroga V. *Mimesis: Materialy po analiticheskoi antropologii literatury* [Mimesis: Materials on Analytical Anthropological Literature]. Vol. 1: N. Gogol', F. Dostoevskii. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya: Logos: Logos-altera Publ., 2006.

Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. 2023. 27 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения 25.06.2024).

Religiya i obshchestvo: monitoring [Religion and Society: Monitoring]. VTSIOM. 2023. July 27. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (date of access: 25.06.2024).

- Суррогатное материнство: за и против // ВЦИОМ. 2024. 12 февр. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/surrogatnoe-materinstvo-za-i-protiv-1> (дата обращения 25.06.2024).
- Surrogatnoe materinstvo: za i protiv [Surrogacy: Pros and Cons]. *VTSIOM*. 2024. Febr. 12. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/surrogatnoe-materinstvo-za-i-protiv-1> (date of access: 25.06.2024).
- Чжэн Шуан вовлечена в скандал с суррогатным материнством, принуждением к аборт и отказом от детей // Yes. Asia. 2021a. 20 янв. URL: <https://www.yesasia.ru/article/920778> (дата обращения 25.06.2024).
- Chzhen Shuan вовлечена в скандал с суррогатным материнством, принуждением к абарту и отказом от детей [Zheng Shuang Is Involved in a Scandal Involving Surrogacy, Forced Abortion and Child Abandonment]. *Yes. Asia*. 2021a. Jan. 20. URL: <https://www.yesasia.ru/article/920778> (date of access: 25.06.2024).
- Чжэн Шуан официально занесена в «черный список» // Yes. Asia. 2021b. 24 янв. URL: <https://www.yesasia.ru/article/922378?ysclid=m0eb7oiibn321655826> (дата обращения 28.08.2024).
- Chzhen Shuan ofitsial'no zanesena v "chernyi spisok" [Zheng Shuang Officially Blacklisted]. *Yes. Asia*. 2021b. Jan. 24. URL: <https://www.yesasia.ru/article/922378?ysclid=m0eb7oiibn321655826> (date of access: 25.06.2024).
- “An Mir klebt ein Preisschild!” *EMMA*. 2024. Febr. 23. URL: <https://www.emma.de/artikel/das-kaufkind-340891> (date of access: 25.06.2024).
- Aramesh K. Iran's Experience with Surrogate Motherhood: An Islamic View and Ethical Concerns. *Journal of Medical Ethics*. 2009. Vol 35, N 5. P. 320–322. DOI: 10.1136/jme.2008.027763
- Davis-Floyd R. *Birth As an American Rite of Passage*. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Declaration of Casablanca. *Universal Abolition Surrogacy*. 2023. March 3. URL: <https://declaration-surrogacy-casablanca.org/text-of-declaration/> (date of access: 25.06.2024).
- Esposito R. Community, Immunity, Biopolitics. *Política común*. 2012. Vol. 3. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/1232227.0003.001?view=text;rgn=main> (date of access: 02.07.2023).
- Est R. van. *Intimate Technology: The Battle for Our Body and Behavior*, with Assistance of V. Rerimassie, I. van Keulen, G. Dorren. The Hague: Rathenau Instituut, 2014.
- Nowotny H., Testa G. *Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2010.
- Smajdor A. Whole Body Gestational Donation. *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2023. N 44. P. 113–124.
- Strathern M. Displacing Knowledge: Technology and the Consequences for Kinship. *Conceiving the New World Order*, ed. by G. Faye and R. Rappoport. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1995. P. 346–363.
- Taebi M., Alavi N.M., Ahmadi S.M. The Experiences of Surrogate Mothers: A Qualitative Study. *Nursing and Midwifery Studies*. 2020. Vol. 9. P. 51–59.
- Tong R. “The Overdue Death of a Feminist Chameleon: Taking a Stand on Surrogacy Arrangements”. *Journal of Social Philosophy*. 1990. Vol. 21, N 2–3. P. 40–56.

О.В. Попова
Суррогатное ма-
теринство как
антропологиче-
ский и технона-
учный феномен